

По крайней мере, игра Мэй Цыханя была получше, чем у тех актеров второго и третьего эшелона, которых он встречал на других съемочных площадках.

— На самом деле это... этому меня научил мой преподаватель по актерскому мастерству, — Мэй Цыхань не стал ничего скрывать и охотно раскрыл свой секрет.

— В сценах с плачем главное — сопереживание. Чтобы тронуть других, надо сначала тронуть самого себя. — Вспоминая красивое лицо Цзян Ина, Мэй Цыхань честно признался: — Достаточно представить этих троих детей в виде трех чеков на десять миллионов каждый.

Если бы у него на глазах отбирали такие огромные деньги, он бы тоже пришел в неистовство!

Отец ребенка-актера нервно дернул уголком губ, словно не в силах поверить услышанному.

Мэй Цыхань слегка наклонил голову:

— Ну, примерно так. Обычно я сначала представляю всю сцену в голове, убеждаюсь, что она меня трогает, и только потом играю.

Разумеется, еще важнее было то, что Цзян Ин репетировал с ним эту сцену.

Черт возьми.

Его сегодняшнее изможденное лицо — это результат самого настоящего плача, между прочим!

Неизвестно, то ли игра Мэй Цыханя превзошла все ожидания Вэнь Минцзяна и сценариста Чжана, то ли разбудила в них вдохновение, но...

В последующие дни Мэй Цыхань каждый день получал обновленные варианты сценария. В итоге он решил вовсе не учить реплики, пока текст не утвердят окончательно. Только с трудом заучит одну версию — а ее снова переписывают! Ему до смерти хотелось перевернуть стол от досады.

Чем дальше развивался сюжет, тем безумнее становился сценарий: драма, слезовыжималка и абсурдные повороты сыпались как из рога изобилия.

Мэй Цыхань невольно задался вопросом: действительно ли сериалом «Мой отчим» Вэнь Минцзян хотел почтить память собственного отца? Он точно писал это не для заклятого врага?

Жестоко, просто до предела жестоко.

Всего за тридцать серий главный герой Лу Пинъань успевал не только сойтись в битве умов с родными отцами троих детей, но и развивать свою лавку, попутно борясь со сплетнями и слухами. А когда дети с горем пополам выросли, ему пришлось совмещать роли отца и матери, да еще и помогать им с учебой.

Но и это было еще не все.

Куда подлее оказалось другое: в последующих сериях как минимум три-четыре второстепенные героини проявляли к Лу Пинъаню симпатию. Самые разные девушки, настоящая любовь — да только всё заканчивалось ничем: либо Лу Пинъань сам отказывался, не желая обузотворять их, либо родители девушек вставляли грудью и ни за что не давали согласия.

Что касается актрис на эти роли, их приглашали из соседних съемочных групп чисто по дружбе — дешево и сердито.

Вдобавок ближе к финалу Лу Пинъань даже лично побывал на свадьбе девушки, которую искренне любил, после чего молча вернулся домой в одиночестве. А дома его ждали ругань и скандалы с бунтующими детьми. Словом, полнейшее истязание — и душевное, и телесное.

В связи с этим в съемочной группе пополз весьма сомнительный слух.

Поговаривали, будто почтенный сценарист Чжан посчитал, что Мэй Цзыхань выглядит гораздо привлекательнее, когда плачет, а не когда улыбается. А потому, ради повышения общей привлекательности кадра, Мэй Цзыханю пришлось плакать на любой лад.

Выжав все слезы из отца, авторы переключились на детей.

Под конец Лу Пинъань заболел неизлечимой болезнью, чтобы выжать из зрителей последнюю порцию слез.

Вэнь Минцзяну казалось, что девушки из съемочной группы каждый день смотрят на него так, словно готовы прирезать.

Работа над «Отчимом» кипела вовсю: съемки двигались к завершению строго в рамках бюджета, при этом с отличным качеством — настоящее триумфальное шествие. А вот Ань Ихао на другом конце провода повезло гораздо меньше.

О «быстродействии» Центрального телеканала и так слагали легенды, а тут еще и проект Ань Ихао явно не сулил огромных прибылей, так что все двигалось с черепашьей скоростью.

Изначально Ань Ихао еще воротил нос от Мэй Цзыханя, но теперь бюджет урезали снова. Если он продолжит привередничать, ему может не хватить денег даже на Мэй Цзыханя.

Что до тех актеров, приглянувшихся Ань Ихао, то одни уже подписали контракты на участие в шоу, другие ушли в драмы, а с последним не удалось сойтись в цене.

Короче говоря, полнейшая безнадега.

— Дядюшка Ань, ты вообще собираешься снимать «Снайпера» или нет? — сценарист Чжоу Чи в кои-то веки соорудил суровое лицо.

Напор Ань Ихао тут же сдулся.

Они с Чжоу Чи дружили много лет.

С талантом Чжоу Чи он вполне мог найти режиссера получше. Просто Чжоу Чи терпеть не мог, когда переписывают его сценарии, из-за чего перепортил отношения с кучей народа и в итоге опустился до партнерства с Ань Ихао.

И все же хороший сценарий — редкая ценность, поэтому Чжоу Чи по-прежнему был нарасхват.

— Хочу! Да как не хотеть?! Я столько лет готовился, мы сценарий переписывали раз десять-пятнадцать — с чего бы мне не хотеть? — с чувством воскликнул Ань Ихао.

— Раз хочешь, так ищи актеров нормально! У нас нет времени тянуть резину, — голос Чжоу Чи стал заметно суровее. — В следующем году юбилей Армии, у нашего сериала есть отличный

шанс попасть в самый выгодный прайм-тайм. Но режиссеров с такими же планами — пруд пруди, всех более-менее приличных актеров уже расхватали! Сколько ты еще будешь упрямиться?

— В чем это я упрямлюсь?! — вспыхнул Ань Ихао, разозлившись от смущения.

— Дожив до средних лет, я уже не хочу тратить слова понапрасну. Ты ведешь себя точь-в-точь как тот самодур-начальник, о котором постоянно твердит моя дочь, — Чжоу Чи ни капли не пощадил тщеславие старого друга. — Актера Мэй Цзыхана ты обязан подрядить, чего бы это ни стоило.

— ...Лао Чжоу, чем он тебе так приглянулся-то, а? — при воспоминании об этом паршивце у Ань Ихао внутри снова закипела злость.

Прошел уже месяц-другой, а Чжоу Чи всё твердит свое.

— По крайней мере, у него есть принципы, и он отлично подходит под характер моего персонажа, — на полном серьезе ответил Чжоу Чи. — Кабы ты тогда не прошелся по его бывшей девушке, он, вероятнее всего, не стал бы так кипятиться.

Едва зашла речь о Ван Сяомань, как пыл Ань Ихао окончательно угас.

В тот день, когда прослушивание закончилось, он собирался поговорить с Ван Сяомань по-человечески, но дозвониться так и не смог — она явно внесла его в черный список.

— Да я и сам тогда разозлился не на шутку! — с досадой вздохнул Ань Ихао. — Я же не вы, вы-то все обзавелись семьями, остепенились. А мне одиноко!

— Хе-хе, а когда мы женились, ты же нас и высмеивал. Тебе просто глаза застила мишура этого шоу-бизнеса, а теперь жалеть, пожалуй, поздно, — Чжоу Чи без зазрения совести вытащил на свет подноготную друга.

Когда сам Чжоу Чи играл свадьбу, Ань Ихао заявился с какой-то юной манекенщицей, взявшейся неизвестно откуда. Не будь они многолетними друзьями, он бы вышвырнул его с торжества!

— Но этот пацан так утер мне нос! Если я теперь пойду к нему проситься, куда девать мое достоинство? — Ань Ихао все еще не сдавался. — Ты посмотри на других актеров!

— Твое достоинство улетучилось еще тогда, когда ты провалил десять сериалов подряд! Если уж ты умеешь прогибаться перед продюсерами, отчего не можешь забыть обиды ради хорошего актера? Ладно! Подбери мне мужчину с адекватными запросами по гонорару, сносной актерской игрой, подходящего по возрасту и со свободным графиком — и я слова больше не скажу, — перешел в наступление Чжоу Чи.

Ань Ихао замер на месте.

Кабы он мог такого найти, стал бы он сейчас собачиться с Чжоу Чи, будто два барана?

Да в том-то и дело, что найти невозможно!

Режиссеров с такими же мыслями хватало с избытком: каждый стремился выпустить военную драму или шпионский сериал к следующему году. Все более-менее толковые постановщики

уже побежали за спонсорскими деньгами, а кто-то и вовсе позвал топовых айдолов, надеясь захватить эфир одним махом.

На их фоне Ань Ихао, пусть у него когда-то и были удачные работы, с треском проваливался слишком уж часто. Будь у него хотя бы стабильные рейтинги — куда ни шло, но на его счету числился абсолютный рекорд: сразу три его сериала сняли с эфира досрочно!

Откровенно говоря, то, что Ань Ихао до сих пор держится в индустрии, — заслуга его многочисленных приятелей. Иначе кто стал бы в него инвестировать? С таким же успехом эти деньги можно было бросать в воду: там хоть брызги красивее!

— Если не найдешь — звони ему. Уверен, стоит тебе извиниться, как он тут же забудет все обиды. Я в людях разбираюсь куда лучше тебя, — Чжоу Чи похлопал Ань Ихао по плечу. — И вообще, спустя столько лет поносить бывшую девушку... Не будь ты моим другом, я бы... Хм.

Интеллигентный человек — он и есть интеллигентный человек: ругает без единого матерного слова.

Ань Ихао казалось, что у него больше нет лица появляться на людях.

В этой истории он и впрямь поступил не совсем по-человечески.

Но... но ведь он режиссер!

Вычитал молокососу, а тот отплатил той же монетой — и теперь ему же идти извиняться? Ань Ихао ни за что не мог переступить через свою гордость.

Но Чжоу Чи больше не желал тратить слова.

Все разумные доводы закончились. Если Ань Ихао и сейчас не придет в себя, ему придется распрощаться со старым другом и отнести сценарий другим режиссерам.

<http://bllate.org/book/18139/1754650>